

МАРИНА
ИНДИВИ

КСЕНИЯ
ЛИТА

ПРОКЛЯТИЕ

АДМИРАЛА СЕВЕРА

Ксения Лита
Марина Индивиди
Проклятие адмирала Севера

<https://litres.ru/74458799>

SelfPub; 2026

Аннотация

Меня выдали замуж, чтобы сохранить мир. Только я — не та, кем меня считают. Адмирал северян Сигурд Арнсхейм проклят, его дни сочтены, а его ненависть ко мне почти осязаема. Но если уж я оказалась в теле княжны Анастасии, значит, разберусь и с проклятием, и с браком, и с чувствами, которые пугают сильнее войны.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	15
Глава 2	22
Глава 3	31
Глава 4	37
Глава 5	43
Глава 6	49
Глава 7	55
Глава 8	61
Глава 9	68
Конец ознакомительного фрагмента.	73

**Ксения Лита,
Марина Индиви
Проклятие
адмирала Севера**

Пролог

Ярослава

— Волнуешься, Ясенька? — спросила мама, глядя на меня в зеркало. Мы стояли в комнате, в которой прошли все мое детство и юность, не считая первой пары лет, когда моя кроватка стояла в родительской комнате. Эта квартира была для меня домом, тем самым домом, куда всегда хочется возвращаться. Я была совершенно немодной по современным меркам, мне не нужно было сепарироваться, не нужно было прорабатываться, потому что у меня были совершенно чудесные родители, которые безумно любили друг друга.

Правда, отец умер рано: обширный инфаркт, и бабушка Света говорила, что от проклятия. Мол, влюблена была в него одна девица, а когда он маму полюбил, а та ничего не сумела приворотами-отворотами добиться, прокляла. Поэтому об отце у меня остались только детские воспоминания, я училась во втором классе, когда его не стало.

Ну что сказать, в проклятия я не верила. Но смерть отца повлияла на меня очень сильно, как и на маму. Она так и не вышла замуж, и ни с кем не встречалась, посвятив всю себя мне и работе учителем начальных классов. А я стала кардиологом.

И да, я волновалась. Правда, совершенно не по тому поводу, о котором думала мама.

— Мам, ну какая я тебе Ясенька? — фыркнула я, поправляя фату.

— Ой, ну простите, Ярослава Валерьевна!

Я покосилась на нее через плечо, и мы обе одновременно рассмеялись. Несмотря на то, что внутри меня все звенело от напряжения, рядом с мамой я снова ощутила себя той самой девочкой, которая утром просыпается под запах блинчиков с кухни, а за столом уже ждут самые родные и близкие.

Так уж получилось, что я была единственным ребенком, а семья была для меня всем. И, несмотря на то, что я давно уже не девочка — тридцать два года как-никак, я все равно сейчас на мгновение словно перенеслась назад во времени.

Это ощущение было кратковременным, мимолетным, такое бывает только рядом с родителями. В моем случае — рядом с мамой, но оно прошло так же быстро, как и накатило. Потому что сейчас, в отличие от моего детства или подросткового возраста, мама ничем не могла мне помочь. Потому что эту проблему мне предстояло решить самой.

И потому что замуж я выходила в первую очередь, чтобы спасти ее. Спасти и защитить.

Когда мы с Антоном только начинали встречаться, два года назад, это было похоже на вспышку, на какой-то увлекательный киношный роман. Он попал ко мне по направлению, по подозрению на проблемы с сердцем, но выяснилось, что это не сердце, а остеохондроз. Я отправила его к своему коллеге, но я ему очень понравилась, и спустя несколько дней

я обнаружила его водителя возле клиники, в которой работала.

— Ярослава Валерьевна, меня просили отвезти вас в ресторан, — сказал мужчина и распахнул дверь, чтобы показать огромный букет роз, лежащий на заднем сиденье.

Я была после второй смены, уставшая, поэтому поблагодарила и отказалась. Уехала домой, а на следующий день Антон приехал за мной лично. Он красиво ухаживал, был внимательным и галантным, а еще рядом с ним я чувствовала себя самой любимой и самой желанной.

Кто же мог подумать, что все это просто игра, в которой я была призом. Главным призом для того, кто привык получать все и вся, сначала его раззадорил мой отказ. Потом — что я не упала к его ногам, когда он начал одаривать меня подарками (поначалу я их все просто-напросто возвращала).

А потом... потом стало уже слишком поздно. Он сделал мне предложение, а я согласилась. Потому что влюбилась. Не просто влюбилась, я думала, что это на всю жизнь. Пока однажды не приехала к нему в офис: у меня отменилось сразу две записи подряд, я решила сделать ему сюрприз, но сюрприз сделали мне. В виде секретарши, которую он нагнул прямо на рабочем столе, и не просто нагнул, но, судя по ее красным ягодицам, еще и отшлепал в процессе.

Вот так пошло закончился мой первый серьезный роман. Точнее, он закончился бы, если бы Антон меня отпустил. Когда я швырнула кольцо ему на стол, все должно было закон-

читься. Но он был очень влиятельным человеком в городе. С очень влиятельными друзьями.

— Или ты выходишь за меня, — прошипел он, — или я тебя уничтожу. Тебя и всю твою семью. Я сделаю так, что ты никогда больше никуда не устроишься. Будешь работать кассиршей в «Пятерочке», а не кардиологом. А твою мать вообще посадят.

Наверное, если бы дело касалось только меня, я бы рискнула. Но оказалось, что Антон чуть ли не с первого дня собирал досье на мою семью. Оказывается, у отца было несколько приступов перед обширным инфарктом, и мама, которая всегда была очень принципиальна в этом вопросе, взяла несколько денежных подарков от родителей учеников, чтобы оплатить отцу полное обследование.

Это не были взятки, это были именно подарки, но я прекрасно знала, как это можно вывернуть, зная нужных людей и имея «кнопки», на которые можно нажать. Впрочем, даже если бы я об этом не знала, Антон в красках мне все расписал. И сказал, чтобы я не выпендривалась, и тогда все будет хорошо. У всех.

Маму это убило бы, поэтому я согласилась.

Согласилась, но не сдалась. Я пошла к бабушке Свете, чтобы спросить, знает ли она того, кто может мне помочь... с помощью магии.

Для меня, современной женщины с высшим образованием это казалось дикостью, но я просто не знала, куда еще

обратиться. Потому что у меня не было таких связей, как у Антона, больше того, когда коллеги узнавали, с кем я встречаюсь, они все ахали и охали, кто-то говорил, как мне повезло, и что я скоро пойду на повышение, кто-то откровенно брызгал ядом.

Знали бы они, как мне «повезло».

Бабушка Света дала мне контакты Тамары Ивановны, и вот, пока я тащилась в область по расхлябанным осенью дорогам, я уже сто раз обругала себя душой. Потому что... ну я понимаю, ситуация патовая, но может быть, стоит просто развернуться? Стоит поехать обратно и лучше еще раз поговорить с тем, кто выбросил мое сердце на помойку, а потом сказал, что я обойдусь без него.

Но что-то мне подсказывало, что этот разговор — еще более бессмысленный, чем поездка к «тете Тамаре». Если уж бабушка называла ее тетей, то я смутно представляла, кто меня вообще встретит. Но встретила меня на удивление приятная женщина, совершенно не выглядящая на свои восемьдесят девять. Сначала я даже подумала, что бабушка что-то напутала: не может человек, которому почти девяносто, так свободно двигаться и говорить, обладать такой ясностью мысли и... какими-то неземными глазами.

— Ну что я тебе скажу, — произнесла она, меня выслушав. — Запрос у тебя странный, конечно.

— В каком смысле странный?

— Ну так обычно приходят за приворотами, — хмыкну-

ла она, — или за отворотами от соперницы. Ты же просто хочешь, чтобы он на тебя смотреть перестал. И даже сейчас, когда он столько зла тебе причинил, я в тебе зла не чувствую. Навредить ты ему не хочешь, только семью свою защитить. Самое дорогое, что у тебя есть.

Мы сидели в небольшой комнате ее домика, но помимо трав, развешенных по углам, а еще необычных, словно слепленных вручную, свечей, я не увидела здесь ничего магического. Никаких хрустальных шаров, черепов и прочей атрибутики, и это, надо признаться, внушало доверие.

Как и эти ее слова: я была очень зла на Антона, когда все случилось, но сейчас на месте моих чувств к нему осталось лишь пепелище. Все, что я делала, я делала действительно ради мамы, ради того, что ей было дорого. Она обожала своих детишек, души в них не чаяла, работала по призванию.

— Поэтому я за него возьмусь, — подвела итог старушка, и лучи морщин от ее глаз, светлых, как летнее небо, потянулись к вискам, когда она на мгновение улыбнулась. Впрочем, улыбалась она недолго. — Но ты должна знать, что за любую магию с тебя будет взята плата.

— Какая?

— Это только Господь знает, — развела руками она. — И я честно тебе говорю: если сомневаешься, лучше уходи.

Наверное, я была в каком-то помешательстве, потому что не ушла. Наверное, мне стоило пойти в полицию. Или куда-то еще. Попробовать с Антоном бороться как-то иначе.

Все эти мысли разом нахлынули на меня, когда раздался звонок в дверь: это приехал он.

Это должен был быть самый счастливый день в моей жизни. А в результате я ненавидела себя за то, что почти ничего не сделала, чтобы все изменить. Магия не в счет, но я же не верила в это всерьез никогда, так с чего поверила этой Тамаре Ивановне? Точно, помешательство какое-то было, иначе это не назвать.

Стресс, недосып, все дела.

— Не вздумай делать такое лицо, когда мы выйдем из машины, — опустив перегородку между водителем и нами, произнес Антон, наградив меня тяжелым взглядом.

Хотя какой он после всего Антон.

Рифма к его имени — вот это точно то, как его стоит называть. Резиновое изделие номер один.

— Какое мне прикажешь делать лицо, если я тебя ненавижу?

Он резко ко мне развернулся:

— Ты забыла, о чем мы говорили, Ярослава? Ты — моя, и это не обсуждается. Если вздумаешь хоть что-то выкинуть...

— Не вздумаю, расслабься.

— Я тебе уже говорил, что это ничего для меня не значит. Подумаешь, трахнул эту курицу.

Я пожелала ему поноса прямо во время венчания. Если мужчина не понимает, что называя любую женщину курицей, он автоматически становится козлом без права на по-

милование — это его проблемы.

Открытым остается только вопрос, чем думала я.

Когда соглашалась на ритуал. И на то, что мне велела сделать Тамара Ивановна.

«Во время венчания, под образами, просто скажи «Нет», — искренне, от всей души, а дальше все решится само».

Господи. Я что, правда в это поверила?

Храм, в котором нам предстояло венчаться, находился за городом. Наш свадебный кортеж подъехал к нему к двенадцати, и Антон подал мне руку, чтобы помочь выйти из машины. Я ее демонстративно не приняла, за что заработала еще один предупреждающий взгляд, но мне было уже все равно. Меня накрыла дикая, липкая, удушающая паника, сквозь которую не пробивался даже голос разума, к которому я всегда прислушивалась.

Что я творю? Мне надо бежать отсюда, и как можно быстрее...

Я наткнулась взглядом на улыбающуюся, выходящую из другой машины маму. Впервые за всю нашу жизнь я не была с ней искренна. Она считала, что я счастлива, что я иду под венец с мужчиной, который готов ради меня на все.

— *И что? Это правда срабатывает?* — спросила я у Тамары Ивановны, когда меня окутал сладковатый аромат трав. — *Как?*

— *Он тебя не отпустит, я же уже сказала. Тут только черная магия нужна, а я таким не занимаюсь, и тебе не*

советую.

— *Но что тогда произойдет?*

— *Ты будешь от него избавлена. Как, я и сама не ведаю, но грех на твою душу не ляжет.*

А я в это поверила. Я. Поверила. В это!

Ду-у-ура!

Я знала, что ругать себя уже поздно, особенно когда ты стоишь перед алтарем, а священник рассказывает о том, что мы будем связаны на земле и на небесах, и никогда не разлучимся.

Во всем виноваты сказки бабушки Светы, которые она рассказывала про все эти заветы, проклятия, про силу слова, намерения и прочее. Вот зачем я все это слушала?

Сейчас я скажу «Нет», — и Антон уничтожит мою маму. Сделает это с удовольствием. Он не простит того, что я сделаю. Или же... Или же суть как раз в том, чтобы сказать все это на людях? А потом пойти в прессу, и уже на волне скандала рассказать обо всем, что произошло? Предупредить его удар.

Меня кидало из крайности в крайность, а сердце стучало так, что вот-вот собиралось выпрыгнуть из груди.

Господи, помоги.

Антон уже сказал все, что должен, и священник обратился ко мне:

— Имеешь ли ты, Ярослава, намерение доброе и непринужденное и крепкую мысль взять себе в мужья Антона, ко-

того здесь перед собою видишь?

Тишина. Удар сердца.

Я увидела, как Антон раздувает ноздри.

— Не имею, честной отче.

Кто-то из толпы гостей ахнул.

У меня потемнело перед глазами. Я ощутила засасывающий меня в эту темноту круговорот, как падение с горки в бесконечную Бездну, и потеряла сознание.

Глава 1

Ярослава

— Что это с ней?

— Припадочная, что ли?

— Да кто ее, эту чужестранку разберет...

Я с трудом разлепила веки, кажущиеся мне просто неприподъемными, но вместо сводов православного храма и характерных ароматов благовоний обнаружила над собой холодный серый камень. Я лежала на полу, а надо мной склонились две девушки, обе светловолосые, крепкие, в передниках, и мне первым делом в голову пришла мысль об официантках в скандинавском ресторане.

Вот только официантки всяко смотрят дружелюбнее: эти выглядели так, как будто я попыталась сбежать и не заплатила.

Стоп, Яра!

Какие официантки? Какой ресторан? Ты сказала «Нет», а потом...

— Что, так и будете валяться? — язвительно поинтересовалась одна из девушек, а я поняла, что она говорит на незнакомом мне языке, довольно резком и грубоватом. Но, что самое интересное, я ее понимала. — Застудитесь, потом родить не сможете. Какой тогда от вас прок?

В сочетании с тем, что ко мне обращались на «вы», ее го-

лос звучал слишком саркастично.

Я чуть приподнялась на локтях и обнаружила, что на мне свадебное платье. Правда, совсем не то, которое я надевала сегодня утром, и под которое мне делали макияж. Оно было более плотным, тяжелым, хотя и красивым. Но рассматривать его мне совершенно не хотелось, не до того было.

Сглотнув, я попыталась подняться, и голова тут же закружилась. Девушки не спешили мне помогать, когда я пошатнулась, обе отступили и посмотрели на меня исподлобья, сложив руки на груди.

Что вообще происходит?

Что это за маскарад?

В голове сразу зароились десятки мыслей, одна невероятнее другой: например, что Антон похитил меня прямо со свадьбы, привез сюда, и теперь я, как в фильме про парня, которого перевоспитывал отец, буду жить в импровизированном Средневековье. А то, что это Средневековье, сомнений не оставалось, потому что каменная кладка стен, мрачный зев камина и тяжелая грубая мебель выглядели именно как декорации исторического фильма. Или фэнтези-фильма.

Меня замутило, и я приложила руку к горлу:

— Где у вас туалет?

Девуцы переглянулись.

— Ванная? Душ? Где вы моетесь?

— Где мы... — Они снова переглянулись и расхохотались.

— В проруби мы моемся, великая княжна, ну или если хо-

тите, можем вам принести оттуда водички, от души окатить!

Что за треш?!

Понимая, что завтрак, который я съела, во мне не удержится, я бросилась к двери, но за дверью оказался длинный темный замковый коридор, а не сваленные в кучу декорации и съемочная группа.

— Антон! — крикнула я в темноту. — Антон, это не смешно!

Эхо подхватило мой голос и принялось перебрасывать его от стенки к стенке, и так до тех пор, пока не поглотило окончательно. Я бросилась обратно и едва успела добежать до небольшого арочного окна и перегнуться через него, как содержимое желудка меня покинуло.

И следом меня чуть было не покинуло сознание, потому что где бы это место ни находилось, это точно не была современная Россия. Суровые скалистые горы облизывало холодное море: это было видно с высоты моего окна, над замковыми стенами, преодолеть которые было совершенно невозможно. В смысле, как попасть сюда без приглашения владельца, так и сбегать. Низкое небо грозило вот-вот разразиться снегом, а пронизывающий ветер врвался в окно, пробирая меня до костей.

Я обернулась, готовая закричать, и девушки, по-прежнему глядящие на меня неприязненно, шагнули ко мне.

— Пойдемте, — произнесла одна, резко хватая меня за плечо. — Вам нужно немедленно вернуться на свадебный

пир в вашу честь!

Свадебный... пир?! Это все больше напоминало какой-то фарс. Но если еще недавно я думала про Антона, то сейчас это казалось мне совершенно нереальным. В школе у меня была пятерка по географии, я изучала ее с невероятным удовольствием, но я не могла представить, где вообще могут быть такие места. В Норвегии, в Дании, в Швеции... только с поправкой на то, что этому замку место в истории, а не в современности. Да и в целом, я не знала таких мест на Земле.

— Мой муж — Антон Каверин? — уточнила я.

Девушки снова переглянулись.

— Она точно в своем уме? — спросила одна у другой. — Не знаю, с утра вроде была. Когда мы с Бригиттой ее собирали на обряд. Лопотала правда, что-то по своему, по-великорусски, но тут уже я не знаю...

Тут я поняла, что у меня всего лишь два варианта: первый — признать, что я сошла с ума. На это указывали все признаки. Правда, для безумия все происходящее было слишком реальным, например, ощущения, чувства, даже холод, от которого хотелось завернуться в теплый плед. И второй — подыграть и посмотреть, к чему меня это приведет.

— Я головой ударилась, — произнесла я. — Когда упала.

— Да уж видим. Пойдемте, — буркнула та, что интересовалась, все ли у меня в порядке с головой, и зашагала к двери.

Вторая направилась следом за мной, и со стороны это на-

поминало конвой, правда, женский. Впрочем, эти девушки не выглядели хрупкими от слова совсем. Под плотной одеждой служанок угадывались мышцы, а черты лица у них были резкими и грубыми, как будто они не только домашними делами занимались, но еще и воинским делом с самого детства.

В комнате нигде не было зеркал, поэтому я даже не могла на себя посмотреть, чтобы понять, как я выгляжу, но мои руки не напоминали мои даже отдаленно. Они выглядели так, как будто я ни разу в жизни не мыла посуду и вообще ничем не занималась, изящные, с кольцом, которое, видимо, было обручальным. Оно представляло собой достаточно грубое переплетение металлических ветвей, в центре которого вместо камня сияла голубым руна.

Какой странный эффект... интересно, от чего он возникает? Я попыталась стянуть кольцо, но оно не поддалось, и под пристальным взглядом одной из девушек я оставила эти попытки до лучших времен.

Мы прошли коридорами, где под портретами висело оружие. Да, прямо под портретами, как в каком-то музее, миновали анфиладу с раскатанными по стенам гобеленам и спустились по лестнице, по которой в ряд могла маршировать армия. Еще на ней я услышала музыку, громкие голоса и смех.

Когда же мы оказались в зале, я окончательно лишилась дара речи.

За огромным П-образным столом, или, точнее, столами,

массивными, дубовыми, выстроеными вдоль стен, собралось столько мужчин, сколько я не видела за всю свою жизнь. Приглядевшись, я поняла, что собрались не только мужчины, но и женщины, просто в платьях их было гораздо меньше, чем в доспехах. У некоторых были гладко выбриты виски, а оставшиеся волосы заплетены в косу, столы ломились от еды и напитков.

Но почему-то мой взгляд во всей этой кутерьме однозначно зацепился за одного мужчину. Возможно, потому что от большинства собравшихся его отличало то, что он был гладко выбрит. Или потому что он сидел за столом в самом центре, мрачный, как небо над этим замком. В отличие ото всех веселящихся, на лице его не было ни тени веселья, а в глазах застыло такое выражение, что даже ледники Антарктиды могли бы удавиться от сознания собственной неполноценности. У него были светлые, относительно остальных короткие волосы, но из-за тяжелого взгляда его образ казался отталкивающим и притягательным одновременно.

Одно из мест рядом с ним пустовало, я осознала это в тот же момент, когда одна из девиц подтолкнула меня в спину со словами:

— Ступай уже к своему супругу, болезная! — и вместе со второй убежала помогать слугам убирать со столов и подавать новое.

На меня особо никто не обращал внимания, как будто я была невидимкой, хотя, если верить моим провожатым, пир

был в мою честь. А точнее, в честь... нашей свадьбы? Вот с этим жутким мрачным типом?

Все происходящее еще с трудом укладывалось у меня в голове, но вот в ней вспыхнули слова Тамары Ивановны, и головоломка сложилась.

«Но ты должна знать, что за любую магию с тебя будет взята плата».

Вот она и есть, эта плата.

Я действительно избежала брака с Антоном, но очутилась непонятно где, непонятно с кем.

Стоило мне об этом подумать, как мужчина отвернулся от сидевшего рядом с ним бородача и посмотрел на меня в упор. И от его странного, словно горящим синевой взгляда, все внутри замерло.

Глава 2

Ярослава

В огромном зале, в котором проходил свадебный пир, при таком количестве народа и вовсю пылающим огнем в массивном, в человеческий рост камине, было жарко как в парной, но я не могла вдохнуть разом словно превратившийся в лед воздух.

На мгновение мне показалось, что его глаза сверкнули чем-то нечеловеческим, отражением пламени: не привычным цветом, а синевой. От охватившего меня шока я невольно сделала шаг назад.

Мужчина, заметив мое состояние, поморщился и кивнул на соседнее место. А я пару раз моргнула и поняла, что у него просто необычный цвет глаз, яркий, насыщенный, и что близость камина за его спиной сыграла со мной дурную шутку. Синее пламя мне всего лишь показалось.

Я глубоко вздохнула и с таким же глубоким выдохом опустилась в предложенное кресло. Путешествия в прошлое или куда (или когда?) меня закинуло я еще могла пережить, но не такую магию, что буквально полыхает во взгляде.

«Магию, ты не можешь пережить, Яра? Серьезно? — тренькнул в голове противный внутренний голос. Тот самый вечный критик, с которым все советуют бороться. — Оглянись вокруг. Ты непонятно где!»

Присутствующие на этой средневековой вечеринке люди действительно выглядели так, словно они собрались на костюмированном фэнтези-пиру, и вели себя соответствующе, разнузданно: гоготали, громко разговаривали, лапали служанок. Я о таком лишь слышала, о таких переодеваниях и пирах, но что-то, возможно, тот же самый внутренний голос, подсказывал мне, что сейчас все по-настоящему. Все эти гости на свадьбе не играют — они просто так живут.

Столбы ломались от количества мяса, которое сочилось жиром и словно заявляло: «Привет, холестериновые бляшки». Здоровяк слева обглодал ребрышки и бросил кости себе за спину. Другой ущипнул подавальщицу за ягодицу и захохотал, когда девушка вскрикнула от возмущения и отвесила ему пощечину. Впрочем, другая подавальщица, фигуристая шатенка, подплыла к «моему супругу» и подлила в его кубок янтарный напиток, при этом как бы невзначай скользнула пальцами по его плечу, а ее грудь чуть не вывалилась из откровенного выреза. И все это на глазах у законной супруги.

Я, конечно, не имела никакого отношения к этому мужчине.

Я не понимала, как здесь оказалась.

Но точно поняла, что всем на этом пиру на меня наплевать. Начиная от мужа и заканчивая его гостями и персоналом.

Кто же я? И почему ко мне такое отношение?

Я же именно такого боялась, поэтому и не хотела выхо-

дить замуж за Антона. Потому что не хотела становиться просто красивым приложением, образцовой супругой в глазах всех, а на деле вещью, которая будет терпеть все.

Пока я пыталась все это переварить, смазливая подавальщица едва не легла грудью на плечо мужчины. Он поднял голову и посмотрел на девушку так, что она отшатнулась. Здоровяк с другой стороны воспользовался тем, что подавальщица покачнулась, и притянул ее к себе на колени.

— Сегодня тебе здесь ничего не светит, Ингрид. Ярл Сигурд проведет ночь со своей женушкой. Надо же скрепить союз с великоруссами. Но ты можешь приласкать меня!

У меня пересохло во рту, и я в шоке посмотрела на «супруга».

То есть мне придется с ним сегодня спать? И не просто спать, а... С этим угрюмым пугающим мужчиной, которого я знать не знаю и вообще впервые вижу?

Первым моим порывом было встать и во всем признаться этому Сигурду.

В смысле, объяснить, что я не его жена, меня ему подбросили. Что меня закинуло сюда после магического обряда Тамары Ивановны. Я из будущего... то есть из другого мира.

Я не его жена и не буду скреплять с ним никакой союз!

Тем более в спальне.

Я даже руки положила на подлокотники, готовая подняться, но меня вновь остановил взгляд Сигурда. Он словно всей своей тяжестью впечатал меня обратно в кресло. На контра-

сте с его смуглой загорелой кожей его глаза горели особенно ярко в пламени свечей, украшавших столы.

Я множество раз ловила на себе взгляды Антона. В них было все: от похоти, которую я долго принимала за желание и восхищение, до триумфа, когда он понял, что я на крючке. Но ни разу он не смотрел на меня с таким холодным равнодушием, будто я была пустым местом. Будто я была обузой, которую ему кто-то навязал. Проблемой, которую он не желает решать. Будто он предпочел бы, чтобы меня здесь не было.

Ни на месте его супруги.

Ни на свадебном пиру.

Ни тем более в его постели.

Но именно таким взглядом на меня смотрел Сигурд.

Он выглядел кем угодно, только не счастливым женихом, который сегодня обвенчался с княжной. Не мужчиной, который заполучил желанную женщину.

Надо же скрепить союз с великоруссами. Слова бородача прокрутились в моем сознании, словно на повторе, и у меня разом пересохло в горле, потому что это явно был политический брак.

Союз между враждующими государствами?

Это я уже додумывала на ходу, вспоминая и неприязненное отношение самого Сигурда, и насмешки прислужниц.

Я никогда не интересовалась эзотерикой, даже не читала фэнтези, мне всегда больше нравились детективы и клас-

сическая литература. Сейчас же мне могли помочь хоть какие-нибудь знания. Но их не было! Я почти ничего не знала про викингов (а именно они пришли мне в голову), разве что то, что они открыли Исландию и Гренландию, что у них была руническая письменность и бог Тор. На этом все мои познания про северные народы заканчивались.

Единственным моим преимуществом было то, что я понимаю язык и даже могу на нем разговаривать. Но ни о местных обычаях, ни о традициях, ни об их законах я не знала абсолютно ни-че-го!

Я не могла даже предположить, что скажет Сигурд на мое признание, что княжна, которую ему выдали для скрепления мира, вообще-то тютю, а на ее месте теперь я. Решит, что у меня не в порядке с головой, или, не дай бог, объявит ведьмой и прикажет сжечь на костре? Судя по антуражу всех пирующих, последнее не исключено!

Поэтому я прикусила язык и посильнее вцепилась в подлокотники.

Нет, чистосердечное признание пока что отменяется.

Но что тогда делать с брачной ночью?

Может, Сигурду настолько неприятна великая княжна, что он не станет...

Подавальщица, которая пыталась привлечь внимание Сигурда, посмотрела на меня зло и убежала. А я, чтобы немного успокоиться, придвинула к себе тарелку с густым супом. Заметила плавающие там лужицы жира и решила остановить

выбор на мясе, выбрав что-то напомнившее мне крольчатину или зайчатину, и овощах.

Пир продолжался еще несколько часов, и за весь вечер мы с супругом не перебросились и словом. Хотя с бородачом он разговаривал о каких-то драккарах и долге. Из их разговора я успела понять, что Сигурд — адмирал и главный на этих землях. А вот бородач что-то вроде его правой руки и соратника, воюют они вместе.

Со мной никто не разговаривал, но очень скоро я поняла: ощущение, что я невидимка — в корне ошибочное. Потому что ко мне так и липли чужие взгляды. Они даже не стеснялись, обсуждая меня, указывать пальцем. Особенно злые взгляды бросали на меня женщины, словно я увела у них перспективного мужчину. Возможно, так и было, учитывая его статус.

Я терпела это внимание и надеялась, что скоро оно закончится. Так и случилось.

— А не пора ли сопроводить молодых в опочивальню? — громогласно поинтересовался мужик, который лапал подавальщицу. И все пирующие одобрительно захохотали. Им уже можно было не наливать, потому что вряд ли кто-то мог указывать адмиралу, что делать.

Сигурд поднялся с таким мрачным видом, что я было решила, что он всех пошлет куда подальше, но вместо этого он склонился надо мной. Он пах зимней свежестью и опасностью, поэтому я растерялась, замешкалась, когда наши лица

оказались в считанных сантиметрах друг от друга.

А в следующий миг он вытащил меня из кресла, будто я ничего не весила, и взвалил на плечо.

Поднялся такой рев, что я не на шутку перепугалась, что вся эта толпа хлынет за нами в двери, через которые Сигурд меня вынес. Но, к счастью, все остались на своих местах и продолжили праздновать.

Вот только легче от осознания этого мне не стало, потому что здоровенный, хмурый и, вероятнее всего, ненавидящий меня мужлан тащил меня по темным коридорам средневековой крепости с намерением скрепить наш брачный союз самым древним в мире способом.

На этой мысли я затрепыхалась и заколотила кулаками по его спине.

— Пусти! Я не буду с тобой спать!

Только мои удары этому великану были нипочем. Я барахталась как котенок, но толку от этого не было.

Тяжелая рука опустилась на мою ягодицу, отчего я ойкнула, а затем мир снова обрел нормальную плоскость: меня поставили на пол и втолкнули в какую-то комнату, оказавшуюся спальней.

Не той, в которой я очнулась и встретила прислужниц. Новой.

Она была в разы больше, с камином, едва ли меньше того, что я видела в зале, массивным креслом и громадной кроватью с балдахином.

Сигурд захлопнул дверь и стянул с себя накидку. Тяжелая ткань упала на каменный пол, а он шагнул ко мне с неотвратимостью надвигающегося шторма. Он двигался ко мне и раздевался по пути, обнажая сильные плечи, грудь, руки, усеянные шрамами. Это было тело воина, и его действия меньше всего напоминали стриптиз, он не красовался, просто избавлялся от лишней одежды. Но, по сути, я его вообще не знала, и у меня все равно вспыхнули щеки.

Возможно, поэтому я пропустила момент, когда можно было привести ему сразу несколько причин, почему нам не стоит сейчас ничем заниматься. Ничем таким, чем он собрался заниматься.

Супруг наступал, пока я не уперлась пятой точкой в край высокой перины. Он расстегнул застежку на моей накидке и, когда она скользнула вниз, каким-то отточенным движением опрокинул меня на кровать. У меня закончился воздух в легких, я оказалась на мягком ложе, к которому меня немедленно придавил тяжеленный мужик.

— Я не хочу, — попыталась я воззвать к его мужской гордости, в конце концов. Когда он принялся задирать на мне платье, я потянула юбку в другую сторону. — Я вас совсем не знаю. Понятно?

— Мы женаты, — прорычал Сигурд, а я бедром почувствовала его желание. Очевидно, в его время в его мире это было нормально, но это совершенно точно не было нормально для меня.

— Это весомый повод узнать друг друга получше, — предложила я. — Я не могу так сразу.

Сигурд посмотрел на меня так, словно пытался раздеть, но не в чувственном смысле, а словно пытался докопаться до моей сути.

— Твои клятвы перед алтарем ничего не значат, княжна Анастасия?

Это не мои клятвы!

Естественно, я не могла ему так сказать. Я не могла быть собой, но могла быть Анастасией.

— Меня заставили их сказать, как и тебя, заставили согласиться на этот союз, — выдохнула я. — Я тебя не люблю.

Я импровизировала, но Сигурд сначала замер, будто превратился в камень, а затем рывком поднялся в кровати.

— Мне не нужна любовь, княжна. Ни твоя, ни чья-либо. Любить проклятых чудовищ невозможно.

Его слова льдом осыпались в полумраке комнаты, а затем Сигурд развернулся и, как был, в одних штанах размашистым шагом вышел, оставив меня одну в спальне.

Глава 3

Ярослава

Я без сил упала на постель.

Казалось, я сейчас сойду с ума от нервного перенапряжения. Там, на пиру и рядом Сигурдом я еще держалась, но стоило мне остаться одной, наедине со своими мыслями, как меня накрыло дрожью отката.

Если бы остались силы, я бы заметалась по чужой спальне, но все на что меня сейчас хватило — это свернуться клубком, обхватив себя руками, которые продолжали мелко подрагивать. Да что там, меня всю затрясло от пережитого стресса!

Я скинула туфли, завернулась в покрывало, как была, прямо в одежде, и поджала под себя ноги. Несмотря на то, что в комнате всю пылал камин, меня знобило так, что зуб на зуб не попадал.

Впервые за эти часы я подумала о маме. О том, что произошло со мной в церкви. Я упала замертво, отказав Антону? Или меня заменила княжна Анастасия? У меня не было ответов на эти вопросы. Я лишь могла надеяться, что маму это все не надломило. Она же у меня такая хрупкая и чувствительная. Как она без меня там?

К сожалению, сейчас я ничего не могла сделать, и это было самым ужасным. Ощущение бессилия липким слоем об-

лепило мою душу.

Правда, думать о маме и о моей прошлой жизни было проще, чем думать о том, что будет со мной завтра. В этом холодном неприветливом мире в качестве супруги того, что сам называет себя чудовищем.

И за что-то яростно ненавидящим собственную жену.

Сегодня я выиграла эту битву, а завтра? Что будет завтра?

Очевидно, мой мозг настолько устал от всего происходящего, что в каком-то момент я просто отключилась. Уснула так крепко, что очнулась уже от того, что меня кто-то тормошит за плечо.

Мигом подскочила, со сна решив, что муженек передумал и вернулся, чтобы исполнить супружеский долг. Но обнаружила возле постели ту самую подавальщицу, что крутилась возле Сигурда, нагло предлагая себя ему. Она стояла уперев руки в боки и смотрела на меня со знакомой дерзостью.

— Просыпайтесь, княжна! Может, у вас на родине принято спать весь день, а у нас все иначе!

Я потерла глаза и покосилась на окно, за которым была густая мрачная ночь, и вернула взгляд служанке.

— Солнца нет.

— Так и не будет до весны, — хохотнула Ингрид. — Поднимайтесь, все желают видеть ваши простыни!

Я всегда была совой, поэтому утром для нормальной жизнедеятельности мне требовалась чашка кофе и немного раскачаться. Поэтому я непонимающе моргнула.

— Зачем кому-то мои простыни?

Ингрид оглянулась на вторую служанку, одну из тех, что сопровождали меня на пир.

— Вот вы вроде из Великоруссии приплыли, княжна, а ведете себя словно вас боги из другого мира подкинули! — хмыкнула вторая.

Я уставилась на нее во все глаза: неужели меня рассекретили?

— Простынь! — Ингрид пощелкала пальцами перед моим лицом. — Чтобы все увидели, что нашему ярлу досталась непорченная дева!

Мне действительно нужен был кофе, потому смысл ее слов дошел до меня, уже когда я оказалась на ногах. Камин давно погас, а девицы не потрудились его зажечь, и голые ступни сразу же ужалило холодом камня. Это сработало лучше кофе: я сразу историю вспомнила и средневековые традиции о вывешенных после первой брачной ночи простынях.

О варварских традициях, которые не имеют под собой никакого медицинского основания!

Тем временем Ингрид откинула в сторону покрывало и оскалилась с видом победительницы. Потому что доказательств моей непорочности по понятной причине на простыне не оказалось.

Она принялась стаскивать простыню с перины с видом детектива, который наконец-то нашел улику, доказывающую виновность преступницы, то есть меня. Я поняла, что сей-

час эта курица потащит мою простыню на всеобщее обозрение, и через несколько минут вся огромная крепость, увидев все эти доказательства, конечно же подумает вовсе не о том, что Сигурд решил не исполнять супружеский долг. Они, с их средневековым мировоззрением и шовинистскими взглядами, решат, что я женщина с низкой социальной ответственностью.

А Ингрид решила подлить масла в огонь.

— Теперь понятно, почему ярл с тобой быстро закончил и остаток ночи согревался в моих объятиях, — пропела она, выпятив вперед большую грудь и держа простыню на вытянутых руках. — Он так разозлился из-за того, что заморская княжна оказалась вовсе не скромницей... Даже был груб. Но мне все равно понравилось!

Мне по большому счету должно было быть все равно, с кем, когда и сколько раз развлекается Сигурд. В конце концов, мы действительно едва знакомы. Но меня задело!

Задело то, что муж даже не позаботился о приличиях, и все в замке теперь знают, что он ушел от меня ночью. А если не знают, то Ингрид поспешит поделиться такой замечательной новостью.

Но больше всего меня задело то, что он допустил свою любовницу в *супружескую* спальню и позволил ее грязным рукам трогать *мои* простыни.

Вот сто процентов же даже руки не мыла!

— Прости, а ты вообще кто? — поинтересовалась я, пере-

городив дорогу Ингрид, которая шагнула в сторону выхода. — Я великорусская княжна Анастасия и законная супруга ярла Сигурда. Ты по какому праву копошишься в нашей с мужем постели?

Ингрид позеленела, но выплюнула:

— По тому праву, что в крепости все должны знать, что великоруссы отдали за нашего ярла шлюху!

У Анастасии был достаточно высокий звонкий голос, уверена, ей не приходилось ни на кого его повышать. Учитывая местные реалии, девушку, скорее всего, учили молчать и со всем соглашаться. С мнением отца, с мнением мужа.

Но я — не Анастасия. К тому же, ранняя побудка и отсутствие любимой бодрящей арабики сказались на моем настроении не лучшим образом.

— Это не объясняет того, что здесь забыла именно *ты*, — напомнила я и протянула ладонь: — Верни, это тебе не принадлежит.

Судя по лицу Ингрид, она такого не ожидала. Возможно, считала, что княжна в углу тихонько умрет от стыда. Но я до сих пор оставалась жива.

— Это принадлежит ярлу, — возразила она и попыталась меня обойти.

— Вот именно, — согласилась я и схватила простыню. — Пусть сам приходит и забирает!

Хотя надо быть совсем «того», чтобы вывешивать простыни из-под жены, на которую ты только нарычал!

Кажется, у Ингрид больше не осталось аргументов, потому что она рванула белье на себя. Так как она была выше и сильнее меня, я пролетела вперед и чуть в нее не врезалась. Но, несмотря на разницу в весе, сдаваться я не собиралась, к тому же, Ингрид не знала, что нет существа страшнее женщины, оставшейся без утреннего кофе!

Я схватилась за ткань двумя руками и потянула простыню в другую сторону. Белье же превратилось в своеобразный приз, который мы с пыhtением перетягивали друг на друга.

— Что стоишь?! Помогай! — рыкнула на шокировано хлопающую глазами вторую служанку Ингрид, и я с беспокойством осознала, что против двух северянок могу и не выстоять. У меня не было преимущества в силе, а вот в стратегии...

Я сделала шаг вперед, и не ожидавшая этого Ингрид полетела назад. В этот миг простыня под ее весом решила, что с нее хватит и дала дуба, разорвавшись напополам. Ингрид же со своим куском налетела на столбик кровати, вскрикнула и свалилась на пол.

Именно этот момент выбрал мой законный супруг для своего появления.

Он посмотрел на валяющуюся на ковре Ингрид, на меня, перевел тяжелый взгляд на останки простыни в моих руках и поинтересовался:

— Что здесь произошло?

Глава 4

Ярослава

— Она на меня напала! — заорала Ингрид раньше, чем я успела открыть рот. — Напала и хотела убить! Ударила меня головой о кровать!

Технически, это ее голова ударила ни в чем не повинную кровать. Как же я не люблю, когда перекладывают с больной головы на здоровую! Мысленный каламбур оборвался, когда я заговорила, четко излагая конкретные факты:

— Ваша любовница хотела стащить нашу простыню, чтобы показать всем, что я не невинна. Я попыталась простыню отобрать, поскольку мы с вами знаем, что эта простыня ничего не подтверждает. Простыня порвалась, Ингрид упала. Конец истории.

На меня уставились все. Точнее, Сигурд и так на меня смотрел, пристально и изучающе, как будто пытался понять, что за чудо ему подсунули. Служанка прижала руки к груди и хлопала глазами. Ингрид попыталась спасти ситуацию:

— Я могла умереть! — взвизгнула она, необычайно высоко.

Потому что голос у нее был достаточно низкий и грубый.

— Для умирающей у тебя слишком скоординированные движения и нормальный зрачок, — сообщила я. — Гематома на затылке может быть, а может и не быть, но это мне надо

смотреть.

— Все так и было? — спросил Сигурд у служанки.

Та быстро-быстро кивнула, потом перевела взгляд на Ингрид и побледнела. Кажется, она ее боится. Но Сигурда все боится гораздо больше, чем Ингрид.

— Вон, — коротко произнес ярл (хотя мне все равно хотелось называть его адмиралом, как-то привычнее было).

Ингрид подорвалась и чуть было не полетела на пол второй раз из-за поспешности. Вложила кусок простыни в руку, которую Сигурд резко выбросил в ее сторону:

— И не вздумай распускать слухи о моей жене. Услышу хоть что-то — шкуру спущу.

Он даже на нее не посмотрел, но Ингрид побелела, как и ее напарница. Убежали они обе так быстро и так внезапно, как и появились, хотя я, если честно, понятия не имела, как они появились: я спала.

Мне бы сейчас порадоваться, что двумя змеями в этой комнате стало меньше, но как-то не радовалось. Потому что вместо змей появился... мне вдруг в голову пришла четкая ассоциация — дракон.

И этот самый дракон мог как откусить мне голову (легко), так и сожрать. Живьем. В переносном смысле, конечно, но почему-то спокойнее от этого не становилось. Вот ни капельки.

— Ты училась целительству? — неожиданно поинтересовался мой новоиспеченный супруг. — Мне об этом ничего

не известно.

Я понятия не имела, что вообще ему известно о княжне Анастасии, а заодно и о том, что эта самая княжна из себя представляет. Но я себя выдала, когда заговорила про зрачки и прочее, поэтому отступать было особо некуда.

— Я обладаю кое-какими знаниями в этой области, — ну вот, даже ни разу не солгала.

— Хорошо, — неопределенно ответил он и отошел к окну.

Несмотря на то, что Сигурд уже был полностью одет, я все равно вспомнила прошлую ночь и покраснела. Хотя мне, похорошему, краснеть уже поздно. Я-то сама далеко не невинна, и не девица уже лет десять как. Мой первый парень оказался не самым опытным любовником, и приятно мне не было. А второй (и последний), он же Антон Каверин, даже в постели любовался собой.

Бр-р-р-р.

Я поморщилась, чтобы не думать о нем и не вспоминать это все.

— Хорошо — в каком смысле? — уточнила я.

Сигурд обернулся:

— Будешь меня лечить.

— То есть? — Я моргнула.

Адмирал выглядел вполне себе здоровым. Если не сказать, здоровенным. Он вел себя как мужчина, в котором бесконечное множество силы. Как мужской, так и обычной, фи-

зической.

— Как будто ты не знаешь, княжна, — зло выплюнул он.
— У меня случаются приступы из-за проклятия. После этого мне требуется помощь, и с каждым разом — все более основательная. Я не хочу, чтобы кто-то видел меня таким, по крайней мере, пока я жив. Поэтому заниматься мной будешь ты.

То есть, факт первый — на тебя мне плевать, поэтому я могу показаться тебе в каком угодно состоянии.

Факт второй — опять какое-то проклятие и магия. Да сколько можно...

Стойте!

Что значит, пока он жив?! Он что, умирает?!

Сигурд поморщился: очевидно, увидев потрясение на моем лице и истолковав его по-своему. Видимо, решил, что мне очень не хочется этим заниматься, или что-то еще там себе надумал. Во мне же уже включился медик, и, хотя я не была врачом приемного отделения, практику во время обучения я проходила в хирургии (и примерно там же и поняла, что для экстренной службы не создана).

— Чтобы тебе помочь, мне нужно знать, что вообще происходит, — сказала я, шагнув к нему.

— Все об этом знают.

Ну вот не знаю. Но надо как-то выкручиваться.

— Это общие сведения. Целителю нужно гораздо больше информации, чтобы понимать, как и с чем работать. В какой

последовательности.

Сигурд снова нахмурился, как будто сама мысль о том, что с ним происходит, могла причинить ему боль. А впрочем... возможно, так оно и было. Я же не знала ровным счетом ничего ни о нем, ни о том, с чем ему пришлось столкнуться.

— Расскажу, когда придет время, — произнес он, снова направляясь к дверям, но я перехватила его за руку.

Это прикосновение, которого я сама не ожидала и не планировала, меня обожгло. С тем же успехом можно было схватиться за лед на морозе, под моими пальцами должна была оказаться теплая кожа, но оказался словно ледяной панцирь. Почему-то вчера я ничего такого не чувствовала, поэтому сейчас заморгала снова.

— Одна из моих особенностей, — усмехнулся Сигурд, заметив мой потрясенный взгляд.

Нарушенная терморегуляция? Но... как... это же физически невозможно.

— Которая рано или поздно остановит мое сердце, — подвел итог он, стряхивая мои пальцы.

— Мы должны обсудить то, что произошло, — пробормотала я, но этот странный мужчина снова меня не понял.

Я говорила о его руке, больше напоминающей по температуре ледяной нарост, а он, как выяснилось, решил, что я беспокоюсь за себя.

— Ингрид больше тебя не побеспокоит, — сказал адмирал. — Никто тебя больше не побеспокоит. Это мои покои,

и к тебе больше никто не войдет без моего разрешения.

— Вы... ты хотел сказать «наши»? — уточнила я.

— Странная ты, княжна. У вас в Великоруссии мужья с женами делят покои на двоих?

Да я понятия не имею!

— По любви да, — брякнула я и увидела, как потемнели глаза Сигурда.

— Что ж, пусть все считают, что у нас с тобой все по любви, — усмехнулся он и вышел, оставив меня наедине со своими мыслями.

И в совершенно странных, растрепанных чувствах, которые я никак не могла объяснить. Потому что возникали они, когда в голове звучали его слова: «Которая рано или поздно остановит мое сердце».

Глава 5

Ярослава

Как и обещал адмирал, меня действительно больше не беспокоили. Примерно через полчаса постучалась незнакомая мне молоденькая рыжая служанка, которая молча принесла завтрак. Вареные яйца, гороховую кашу и что-то напоминающее кефир. В отличие от вчерашнего жирного жира на пиру это было даже неплохо. Никакого странного привкуса я не почувствовала, а это означало, что травить меня не собираются. Не тогда, когда ярл пообещал спустить шкуру с тех, кто мне навредит. Причем, я подозревала, что с местными реалиями спускать шкуру он будет не иносказательно.

В общем, пока угроза работала, и у меня была фора на подумать и выяснить все про место, где я оказалось по воле судьбы. Выяснить и придумать как ассимилироваться. По крайней мере, до тех пор, пока я не узнаю, можно ли вернуться к своей жизни на Земле. Или я здесь навсегда?

Решать проблемы по мере их возникновения — единственный в сложившихся обстоятельствах вариант.

Во-первых, я признала, что все не так плохо, как могло быть. Я попала в тело молодой, здоровой и образованной женщины, которая знала местный язык, устную речь, и, возможно, даже письменность.

Во-вторых, Сигурда я интересовала исключительно как

доктор, и принуждать меня к исполнению супружеского долга адмирал не торопился.

В третьих, своего я все-таки добилась и избежала ненавистного брака с Антоном, пусть даже таким странным фантастическим способом.

К тому же, у меня были обширные медицинские знания из более продвинутого мира, чем этот, которые я могла применить для лечения адмирала. Не знаю, что он там говорил про проклятие, но я точно знала, что некоторые заболевания в прошлом ошибочно принимали за сглаз и порчу. Как раз из-за отсутствия тех самых знаний.

Я не тешила себя надеждой, что смогу полностью излечить Сигурда, если это что-то хроническое и сильно запущенное, но уменьшить его страдания и продлить его жизнь — вполне.

Сам того не подозревая, адмирал подарил мне цель, которая не позволила мне скатиться в депрессию от тоски по маме и от страха, что я оказалась неизвестно где и неизвестно с кем.

Но для того, чтобы во всем разобраться, мне было необходимо собрать анамнез. Проще было бы, окажись это заболевание чем-то мне знакомым. Но знакомым оно не было. Новый мир — незнакомые болячки, Яра! И все же у меня был опыт, без которого я бы здесь точно не справилась.

Когда та же служанка принесла мне обед, я спросила у нее, где я могу найти ярла. В какой-то момент мне просто надо-

ело сидеть и ждать, хотелось приступить к опросу пациента как можно скорее. По сути, стоило мне уложить в голове все свои планы, и время потянулось невыносимо медленно. Я не привыкла ничего не делать, спать было бессмысленно, я выспалась, книг в спальне не было, чтобы проверить мою теорию про знание письменности. День за окном так и не распогодился, поэтому любоваться пейзажем я тоже не могла.

— Ярл на плацу, — ответила девушка. — Оттачивает воинское мастерство, пока гости гуляют вашу свадьбу.

По-нашему, в тренажерке.

— И давно он там?

— Второй час уже.

Я нахмурилась. Ему вообще можно давать себе такую интенсивную физическую нагрузку?

— Пожалуйста, отведи меня к нему.

— На плац? — вскинула брови рыжая. — Зачем вам туда?

— Хочу поговорить с супругом.

— Так дождитесь, пока вернется.

Ну нет. Вдруг Сигурд решит на пир заглянуть! А ждать я уже не могу, у меня так ждалка отвалится.

— Просто отведи меня к ярлу, — попросила я. — Не волнуйся, если он разозлится, то только на меня.

— А он на вас разозлится! — предрекла служанка. — Ярл в гневе страшен!

— И что он делает, когда злится?

— Проклятие его наружу выходит! Потом не говорите,

что я вас не предупреждала...

Я быстро закончила с обедом, чтобы рыжая не смогла сбегать раньше, чем выполнит мою просьбу. Правда, когда я направилась к выходу, она уперла руки в бока и поинтересовалась:

— Вы туда *так* собрались идти? Вы же вмиг околете, стоит вам оказаться на плацу!

Не то чтобы я не знала, что за окном не лето, меня, скорее, удивила ворчливая забота девушки. После общения с Ингрид и остальными это казалось как минимум странным. Хотя я видела, что не нравлюсь ей. Потому что я княжна из вражеского государства? Или есть еще какая-то причина? Узнать бы хоть немного про Анастасию!

Я подняла до сих пор валяющуюся на полу накидку и закуталась в нее.

— Сойдет, — кивнула она. — Но все равно замерзнете!

— Как тебя зовут? — спросила я.

Девушка посмотрела на меня подозрительно, будто знанием ее имени я могла ей как-то навредить, но все-таки проворчала:

— Келда.

«Родник» — тут же перевел мой мозг. Кстати, «Ингрид» означало «красавица», но я бы перевела ее имя как «истеричка».

— Просто отведи меня, куда нужно, Келда, — улыбнулась я рыжей.

Я ни разу в жизни не была ни в одном замке, даже в музеях, а вчера вечером мне было не до созерцания, куда меня в перевернутом состоянии несет Сигурд. Поэтому идти коридорами крепости мне было интересно. Учитывая, что на ближайшее время замок станет моим домом, это было интересно вдвойне. Потому что сидеть днями в спальне я не собиралась: тут любой сойдет с ума.

Освещались коридоры факелами, что мне совершенно не понравилось ни по технике безопасности, ни по запаху. Правда, гуляющие по замку сквозняки все-таки приносили свежий воздух. Моя проводница шустро ориентировалась в коридорах, поэтому мы очень быстро прошли через открытую анфиладу и оказались на припорошенной снегом крепостной стене. С одной стороны был обрыв, а с другой большая площадь.

Первое, что я поняла, оказавшись здесь — с такими ветрами меня бы не спас даже лыжный комбинезон, рассчитанный на минус тридцать. Холод проник под накидку, впился в кожу, будто маленькими иголочками. А потом я заметила Сигурда, и у меня перехватило дыхание уже не от мороза.

Адмирал был внизу на площади, сражался на мечах с каким-то бородатым мужчиной. Сигурд скинул накидку, оставшись в одних штанах, и его мышцы бугрились при каждом быстром, отточенном движении. Я словно смотрела сцену из какого-то исторического фильма, настолько это казалось нереальным. Удары, прыжки, перекаты. Соперник Си-

гурда, наверное, тоже был неплох, раз тренировался с ярлом, но все мое внимание полностью было направлено на супруга. Келда уверяла меня, что он здесь уже пару часов, но ярл не выглядел уставшим или измотанным.

Со стороны казалось, что в нем столько сил, что их хватит на целое войско.

Его движения были яростными, молниеносными и филигранными. Словно Сигурд танцевал завораживающий смертельный танец, от созерцания которого просто невозможно было оторваться.

Проклятие? Болезнь? Я не могла поверить, что у этого полного сил и здоровья северянина бывает даже простуда!

Сигурд выбил меч из рук своего соперника: тот звякнул о мостовую. Бой закончился, но мой супруг в этот момент покачнулся и упал на одно колено, словно у него резко закружилась голова, или упало давление.

Это меня встряхнуло и заставило подхватить юбки и устремиться вниз по каменной лестнице. К нему.

Как я не поскользнулась на лестнице или на заледеневшем камне, даже не знаю, но спустя пару минут я уже была рядом с ним. Правда, проверить пульс я не успела. Только заглянула в посеревшее лицо, как ярл впился в меня взглядом и прорычал:

— Что ты здесь забыла, Анастасия?

Глава 6

Ярослава

С одной стороны, мне надо было развернуться и уйти. С другой, я была профессиональным медиком... ни черта не смыслящим в местных традициях. Но кое до чего я могла додуматься, даже не обладая выдающимися знаниями исторических событий (или исторических событий другого мира).

— Вы приглашали меня на прогулку после боя, дорогой супруг, — произнесла я, — обещали мне показать тут все, и я к вам вышла к назначенному времени.

Я понятия не имела, есть ли у них тут вообще назначенное время, а вот его серое лицо однозначно намекало на то, что у меня времени не так уж много.

Сигурд метнул в мою сторону убийственный взгляд, а после подхватил меч и, опираясь о него, поднялся.

— Следуй за мной, — прорычал он и направился к лестнице, по которой я только что спустилась.

«Тяжелый пациент», — автоматически зафиксировала я. К счастью, тяжелый пока исключительно в плане восприятия информации и осознания того, какие нагрузки себе стоит давать, а какие нет. Но что-то мне подсказывало, что если говорить приходящим ко мне (даже весьма солидным бизнесменам) я могла все напрямик, то здесь это не сработает.

Мне в спину снова впивались взгляды собравшихся, весь-

ма недружелюбные, но, кажется, я уже начинала к этому привыкать. Да и какое мне до них дело, если у меня сейчас есть дела поважнее.

— Как ты себя чувствуешь? — спросила я, когда мы остались одни в коридоре.

— Что ты себе позволяешь?! — Мой вопрос и его злая ярость слились воедино и получилось... ну очень колоритно получилось.

А еще почему-то очень обидно. Я и сама не могла понять, почему: ко мне кто только не приходил за все время моей практики. И начитавшиеся интернетов и форумов, на которых, конечно же, лучше все знали. И нежелающие принимать таблетки (вся эта ваша фарминдустрия — развод, только деньги у людей выкачивают, но ничем не помогают), и старики, которым вообще сложно было что-либо объяснить или доказать (вот в советские времена были настоящие врачи, не то что сейчас), и бизнесмены вроде Антона, которые вроде как пришли на прием, но ощущение создавалось, что это я отнимаю их личное время.

Большинство пациентов, конечно, были адекватные и осознанные, что я могу только дать рекомендации, назначить дополнительные анализы и расписать лечение (чтобы не допустить тяжелых проблем с сердечно-сосудистой системой), но соблюдение этого всего — их ответственность.

Тем не менее иногда попадались и те, после кого я чувствовала себя выжатой, как апельсин в соковыжималке. Но

я никогда ни на кого не обижалась. Причем так остро.

— Позволяю себе равным счетом то, о чем вы меня попросили, — холодно ответила я, стараясь не допустить того, чтобы в мой голос просочились совершенно неуместные эмоции. Хотя, наверное, тот факт, что я перешла на вы, уже о многом говорил. Для меня, по крайней мере, так точно. — Но если вы уже передумали доверять заботу о своем здоровье мне, пожалуйста, найдите того, кто им займется. Потому что рано или поздно после такой тренировки вы грохнетесь в обморок на глазах у всей вашей улюлюкающей толпы. Сомневаюсь, что это добавит плюсов вашей репутации полководца.

За все время, что я это говорила, его выражение лица менялось от изумленно-яростного до совершенно нечитаемого, как будто адмирал пытался справиться с тем, что на него свалилось: а именно — с тем, что женщина может ему возражать. Не просто женщина, а княжна, которая вообще-то должна была помалкивать и исполнять свой супружеский долг. Я не знала, какой была Анастасия, как она себя вела и как повела бы себя в сложившейся ситуации, но я точно не собиралась сидеть и смотреть, как он пытается себя угробить. Это шло вразрез с моей профессиональной этикой и клятвой, которую я дала. Да шут бы с ней, с клятвой.

Я не хотела, чтобы он пострадал!

Поэтому сейчас, так и не дождавшись ответа, подхватила юбки и зашагала по коридору в сторону, где, предположи-

тельно, находились мои (наши) покои. Предположительно — потому что я не настолько хорошо знала замок, а проводить меня было некому.

По крайней мере, я так считала.

Спустя несколько мгновений рядом со мной уже нарисовался супруг.

— Здесь направо, — скомандовал он, когда я попыталась свернуть не туда.

Я бросила на него взгляд и буркнула:

— Спасибо.

Хотя благодарить его не хотелось от слова совсем. Почему-то мне все еще было обидно. Вот зачем я вообще туда пошла?

Господи, Яра! Прекращай уже этот детский сад. Что ты как маленькая?

В молчании мы дошли до покоев, даже, кажется, ни разу не взглянув друг на друга. В процессе этого пути я для себя поняла, что смогу привыкнуть практически ко всему: к тазикам для умывания и ночным горшкам, к тому, что невозможно принять душ и ванну (нормально), но только не к такому отношению.

В конце концов, я здесь оказалась именно из-за такого отношения, но, когда я открыла рот, чтобы об этом сказать, он меня перебил:

— Я не должен был на тебя рычать.

Я настолько опешила, что даже не нашлась, что ответить.

Тем самым дала ему фору, и Сигурд продолжил:

— Я действительно попросил тебя наблюдать за моим здоровьем.

Я вздохнула:

— Может, сядешь уже? Мне надо проверить твой пульс.

Это было странно, потому что еще секунду назад я отчаянно на него злилась, а сейчас... сейчас я и сама не могла понять, что чувствую. Потому что когда мои пальцы коснулись его запястья, мою кожу снова обожгло. Вот только на этот раз не льдом, а самым что ни на есть обычным прикосновением. Если, конечно, можно так выразиться, потому что от обычного прикосновения сердце не ускоряет ритм.

И вовсе не его, как следовало ожидать, а мое собственное.

Его сердце билось глубоко, сильно и часто. Конечно, без диагностической аппаратуры и анализов это мало что могло дать, но наполняемость была хорошая.

Я мысленно вздохнула с облегчением, а потом посмотрела на него: серый цвет лица уже сменился привычным смуглым, зрачки не были расширены, разве что в глазах сверкали какие-то странные голубые искры. Я на мгновение замерла, потому что эти голубые искры снова напомнили мне о том, что я увидела вчера на пиру. Неужели мне не показалось?

Я была слишком близко, поэтому когда Сигурд тоже посмотрел на меня, это получилось как выстрел в упор. Его взгляд потемнел, и на фоне этого синева, искрящаяся в радужке, стала совершенно магической. Мне нужно было от-

прянуть, но вместо этого я, как замороженная, продолжала на него смотреть.

До тех пор, пока он не поинтересовался:

— Что-то не так, Анастасия?

Чужое имя, произнесенное его голосом, наконец, привело меня в чувство.

Я выпрямилась и произнесла:

— Мне нужно знать все о том, что с тобой происходит. А в идеале еще побеседовать с тем, кто наблюдал тебя раньше.

Глава 7

Ярослава

Сигурд смотрел на меня так долго, что я уже было решила, что не дождусь никаких объяснения, но потом он тяжело вздохнул и ответил:

— Первая жена моего отца, Гунхильд, не смогла подарить ему дитя, тогда он отрекся от нее и взял в жены мою мать. Гунхильд не простила его предательства и провела Черный ритуал. Она прокляла весь род Арнсхеймов до десятого колена. Все наши дети превратятся в чудовищ с невероятной силой, что питается от северных льдов и снегов, но рано или поздно именно этот лед заморозит их сердца.

Черный ритуал? Та самая черная магия, о которой говорила Тамара Ивановна? И лед. Я прекрасно помнила собственное прикосновение к Сигурду утром. Я словно окунула ладонь в прорубь или в снег. Чувство было именно такое.

Но для меня, современного человека, все это звучало дико.

Проклятие.

Как страшная сказочка на ночь для детей.

Но для местных, как я поняла, проклятия и черная магия — не сказки, не легенды, не фэнтези-истории.

Яра, можешь попроситься со своим скепсисом и научным подходом! Ты же как-то оказалась здесь, где злобные жен-

щины проклинают нерожденных детей.

Только я врач, а не колдунья. Могу ли я действительно помочь своему неожиданному мужу?

Я прогнала все эти разрозненные упаднические мысли и напомнила себе, что в моем мире тоже не все поддается объяснениям. Не все еще изучено. Когда-то же давно люди считали, что это Солнце вертится вокруг Земли, а в Средневековье лечили кровопусканием. Да чем только не лечили! Любую болячку можно подвести под магию, а можно под медицину. Мне только нужно докопаться до самой сути.

— Это с тобой происходит? — спросила я. — Боль в груди? Отдышка даже в спокойном состоянии? Может, онемение рук или ног?

Я старалась говорить проще. У них тут медицина не слишком продвинутая, судя по всему, зачем грузить Сигурда. Еще более старательно я укладывала в своей голове, что он мой пациент. Пациент, который даже не потрудился одеться и сейчас сидел по пояс обнаженным.

— Мое сердце замерзает, — повторил он, продолжая рассматривать меня, словно изучая. Будто видел меня насквозь. Мое смущение, которое я гнала прочь.

— Я поняла. — Хотя на самом деле до постановки диагноза было далеко. — А как именно это проявляется?

— Ощущение такое, что в моей груди осколок изо льда.

— Тебя знобит?

— Да, — кивнул он.

— Что обычно этому предшествует? Это происходит, когда ты в покое, или когда тренируешься на холоде? — Я хотела, чтобы мой голос звучал более профессионально, но в него все равно проскользнули обвиняющие нотки.

— Это просто происходит. Ни от чего не зависит.

Или кто-то обычный мужчина, который не обращает внимания на симптомы, пока его скорая не заберет в госпиталь.

— Я хочу, чтобы с этой минуты ты наблюдал за тем, когда у тебя леденеет сердце. Чтобы мы могли исключить то, что провоцирует приступ.

Он вздернул бровь и посмотрел на меня со скепсисом:

— А если это будет битва, княжна? Предложишь мне заявить конунгу, что я больше не стану участвовать в сражениях, потому что берегу сердце?

Я прикусила язык, чтобы не ответить, что вообще-то да. Если он хочет сберечь сердце, то нужно его беречь. Но мы только-только начали нормально разговаривать, я не хотела все испортить.

— Разве наши страны не заключили мирное соглашение? — вместо этого поинтересовалась я.

— Есть еще драяры, — напомнил супруг, но дальше, к сожалению, объяснять не стал.

— Я все равно хочу, чтобы ты понаблюдал, когда приступы чаще. Вместе мы поймем, что их усиливает, а что способно наоборот подавить.

— Тепло женщины.

— Что?! — широко распахнула глаза я.

— Мне помогает женщина в постели, — без тени улыбки объяснил Сигурд.

Я не знала, смеяться мне или продолжать в шоке на него тарашиться.

— Ты, наверное, шутишь? — с надеждой поинтересовалась я. Потому что предписание «постельный режим» только что заиграло для меня новыми красками.

— Нет.

Почему-то сразу вспомнилась Ингрид, которая хвасталась, как ей ночью было хорошо в объятиях ярла. Так он лечиться к ней ходил? Мило!

Мне должно было быть все равно от этих новостей, но отчего-то не было.

Я разозлилась.

То ли на адмирала, то ли на себя за собственные чувства: смущение, раздражение, обида... Последнее совершенно точно было лишним, потому что обижаться здесь было не на что. Как и ревновать. Как можно ревновать мужчину, который хоть и твой муж, но вы с ним едва знакомы?

Подождите-ка!

Я посмотрела на Сигурда с подозрительным прищуром:

— То есть, когда ты говорил, что я буду тебя лечить, ты подразумевал, что мы... — Я осеклась, а затем выдохнула: — Что я буду делать это в твоей постели?

Адмирал поднялся и сразу же навис надо мной.

— Мне помогает все, что разгоняет мою кровь, княжна, — сказал он, а затем взял меня за руку и прижал мою ладонь к собственной обнаженной груди. Мои пальцы дрогнули, когда я коснулась прохладной кожи. У меня будто иголочками закололо кожу там, где мы соприкоснулись — совершенно неуместное ощущение для доктора и пациента. Но почему-то не получалось относиться к нему именно так. Профессионально. — Все, что заставляет мое сердце постоянно биться в неистовом ритме.

Я почувствовала под ладонью удары его пульса и посмотрела ему в глаза.

— Поэтому я участвую в поединках по два-три часа в день. А ночью согреваюсь в объятиях женщины. Только так я чувствую себя живым. Только так я продлеваю срок собственной жизни и не позволяю проклятию меня победить.

Сигурд склонился ко мне настолько близко, что между нашими лицами стало не больше сантиметра. Настолько близко, что я могла почувствовать тепло его дыхания и исходящий от адмирала мускусный аромат. Сейчас в нем не было ничего ледяного, только жар, словно от растопленного камня.

— Должно быть что-то еще, — опомнилась я и убрала ладонь, на всякий случай отступила на шаг.

— Если ты найдешь еще какой-то способ бороться с проклятием, Анастасия, с готовностью выслушаю тебя и опробую его. У тебя есть время до вечера.

У меня пересохло в горле, поэтому спросила я как-то хрипло:

— А потом?

— А потом кто-то должен согревать мою постель, — напомнил муж и развернулся, очевидно, снова собираясь уйти.

— Подожди, — остановила его я, — я спросила не все.

Несмотря на то что близость Сигурда меня волновала, нервировала, я не закончила. Я должна была узнать больше про то, с чем мне придется работать.

— Ты сказал, что Гунхильд прокляла все десять поколений твоей семьи. У твоих родителей были еще дети?

Мне это не давало покоя, и это на самом деле было важно для того, чтобы поставить правильный диагноз. Если у него есть братья или сестры, я могла бы осмотреть остальных.

— Были, но я — единственный, кто выжил, княжна. И Гунхильд просчиталась. Не будет никаких десяти поколений. Все оборвется на мне.

Глава 8

Сигурд

До брачного обряда он княжну не встречал. Разумеется, он видел ее на портретах: классическая хрупкость и красота великорусской дворянки его не впечатлила. Но ему, по большому счету, было все равно, на ком жениться — Сигурд не планировал продолжать свой род и обрекать детей на страдания.

Сила проклятия убила его сестер: одну в детстве, другую вовсе во младенчестве. Один брат не справился с ним в подростковом возрасте, другой дотянул до шестнадцати, и вроде как должен был идти в бой с отцом, но...

Его сердце превратилось в лед раньше, чем он поднялся на борт драккара.

Сигурду тогда было двенадцать, и никто уже всерьез не верил, что он выживет. Советники всю убеждали отца бросить мать, возможно, тогда его род спасется, но он отказался. В итоге не вернулся из того боя, в который должен был идти с Иштваном.

Мать отравили, и его должны были тоже, но...

Но то, что убивало его изнутри, его же и спасло. Яд, который выжег внутренности матери, в нем нейтрализовало проклятие. Видимо, ему и только ему было дозволено убивать вторую ветвь рода Арнсхеймов.

Когда заговорщики утром пришли к нему и обнаружили, что он жив, на него попытались напасть. Тогда Сигурд впервые обернулся.

Чудовище, которое считалось легендой в их мире, с шипастым хвостом, клыками и чешуей, сломало их шеи с той же легкостью, с какой ураганный ветер ломает ветки деревьев. Тогда он совершенно не умел контролировать дракона, в которого оборачивался, сейчас...

Сейчас было немногим проще.

Второй раз он обернулся, когда ему доложили о том, что случилось с матерью. В его еде и питье обнаружили тот же самый яд.

Неизвестно, чем бы все это кончилось, если бы на Вальдмар Арнсхейм. Брат его отца, конунг и правитель Скъельдхейма взял его под свое покровительство. Конечно, идти против парня с проклятием, даже таким опасным — это одно. Совсем другое — против самого конунга.

Поэтому больше попыток избавиться от него не предпринимали.

Когда Анастасия спросила про братьев и сестер, внутри всколыхнулась старая боль, скрытая под толщей льда, который он наращивал с того самого дня. Хотя прошло уже более тринадцати лет, и ему казалось, что все похоронено в прошлом, ее вопросы, ее слова, ее присутствие словно разбудили это все внутри.

Зачем она это спрашивает?

Как будто ей не все равно.

Как будто она не вышла за него замуж со знанием, что скоро избавится от мужа.

Хотя, в его случае все считали, что он не продержится на этом свете даже до двадцати, а ему уже двадцать пять. Считали, что первое же морское сражение его убьет, но он ходил в море и в бой с пятнадцати, а к двадцати двум уже возглавил флот Скъельдхейма, и враги тряслись от страха, даже заведя его флаги.

Скъельдхеймцы и так были не робкого десятка, а уж их «морское чудовище»... Ему удалось почти полностью взять дракона под контроль пару лет назад, и в тех боях, в которых он прорывался наружу, выживших оставалось мало. Корабли противника шли ко дну, а пленных чаще всего казнили после допросов, поэтому рассказать, в каком облике предстает ярл, возглавляющий флот Скъельдхейма, не было. Хотя намеренно Сигурд не оборачивался, никогда.

Потому что каждый такой оборот его убивал.

Его сердце покрывалось льдом. Буквально.

И каждый раз после такого оборота кусочек льда оставался внутри его сердца.

Она спросила о тех, кто его наблюдает, но ни один целитель не сказал бы ей того, что не мог сказать он. Сигурд знал о своем проклятии и самочувствии больше всех, потому что он чувствовал его изнутри, с самого детства.

Для целителей он был неразрешенной задачей, пятном на

их опыте.

Для остальных — чудовищем. Даже для тех, кто садился с ним за один стол. Или смертельным оружием.

Как для конунга. Он не тешил себя мыслью, что брат его отца воспылал к выжившему племяннику родственными чувствами. Скорее, он нашел того, кто сможет устрашать всех врагов Скъелдхейма.

Анастасия же смотрела на него как на человека, и это было странно.

Непривычно.

Подозрительно.

— Я ответил на все твои вопросы, княжна? — поинтересовался он, потому что после его заявления у нее пропал дар речи. — В таком случае жди меня вечером. И не вздумай бегать за мной по всему замку, если не хочешь нарваться на наказание.

У нее сверкнули глаза, но в том, что она умеет разговаривать на равных, не как девицы из Великоруссии, Сигурд уже понял. Поэтому, распахнув дверцы шкафа, он натянул рубаху, заправил ее в штаны и вышел.

Но не успел дойти даже до зала, где собирал Совет, как из-за поворота показалась Сольвейг. По возрасту она была как Анастасия, ей едва исполнилось девятнадцать. Дочь одного из его советников (а в прошлом — советника его отца), она не стремилась быть похожей на мужчину, как многие женщины Скъельдхейма. Она не рядилась в штаны и рубахи, не

стригла косы и не брила виски, не училась драться и не стремилась научиться владеть мечом.

Если уж так говорить, по нежности и хрупкости она больше напоминала женщин Великоруссии, разве что цвет волос придавал ее чертам некоторой резкости. Они у нее были с иссиня-черным отливом, как вороново крыло: в предках ее ходили и драярцы, и менжайцы.

Много крови тогда смешалось, во время Великой Войны Четырех Континентов.

— Слышала, Ингрид посмела тебя оскорбить, — пропела она, остановившись рядом с ним. — Если хочешь, я прикажу высечь ее плетьюми.

Изначально Ингрид была ее служанкой. Она появилась в замке вместе с ней, когда отец впервые взял Сольвейг с собой после смерти матери. С тех пор они обе жили здесь, лишь изредка покидая Арнсхейм во время недолгих отъездов ее отца. И то не всегда.

Потом отец Сольвейг нашел для нее новых девиц, которые ей прислуживали, а Ингрид работала там, где была нужна.

— Я сам способен наказать нерадивую девку, — холодно произнес он.

— Я вовсе не ставлю твою власть под сомнение. Просто хотела сделать тебе приятное, Сигурд.

Сольвейг подалась к нему и положила ладонь на грудь.

Она имела на него виды и не скрывала этого, и ее отказ присутствовать во время брачной церемонии и на вчераш-

нем пиру были знаком протеста.

К сожалению или к счастью, Сигурд не подпускал к себе женщин благородного происхождения. Ломать им жизнь, чтобы потешить себялюбие или даже ради того, чтобы немного отсрочить то, что неизбежно, он считал недостойным мужчины. Не говоря уже о том, чтобы позволить кому-то в него влюбиться.

Или позволить такое себе.

— Ты сделаешь мне приятное, если наконец-то выйдешь замуж, — сухо отрезал он и убрал ее тонкую ладонь со своей груди.

Сольвейг обиженно сдвинула брови:

— Это было грубо.

— А я и не подписывался в знании этикета.

— Как же ты тогда общаешься со своей новой женой? Говорят, эти великоруссы падают в обморок от грубости.

— Анастасия не упала.

Глаза Сольвейг сверкнули:

— Анастасия? Ты же ненавидел ее! Ее отец убил твоего отца! Да ее все здесь ненавидят!

Ее звонкий голос подхватило эхо, и Сигурд прищурился.

— Прости, — тут же пробормотала Сольвейг. — Прости, я не хотела! Я лишь хочу, чтобы ты обратил на меня внимание. Я ведь не требую ничего, я просто хочу стать твоей...

— Я уже говорил тебе, и повторяю. Займись тем, чтобы выбрать достойного мужа. Или я переговорю с твоим отцом

и сделаю это за тебя.

Не дожидаясь ответа, он обошел ее и направился к лестнице, чувствуя стремительно угасающее внутри, как и любое чувство, раздражение. Но помимо этого раздражения Сигурд вдруг ощутил странную непривычно горячую искорку там, где раньше был только лед.

И ощутил он ее в тот момент, когда снова вспомнил о своей молодой жене.

Глава 9

Ярослава

Сигурд пригрозил наказанием за разгуливание по замку и ушел, а я поняла, что на сегодня уже нагулялась. Просто потому что крепость была словно лабиринт. Учитывая, что в прошлый раз Келда бросила меня на плацу, я не знала, кому из служанок можно доверять, а просить адмирала устроить мне экскурсию... Однажды мне придется это сделать, если я задержусь здесь надолго. Но пока мне хватило общения с «мужем».

С которым мне придется еще и ночью общаться.

Ночью. Ночами...

Ох.

Я опустила в кресло возле камина и уставилась на огонь в камине, сдавив виски пальцами. Проклятий в моей практике еще не было, а вот сердечная недостаточность — была. Неважно, что послужило возникновением его заболевания, важно понять, что происходит с его телом, купировать или смягчить приступы.

Сигурд сказал, что ощущает сердце словно кусок льда. Мерзнет. У него случаются приступы с одышкой и болью в груди. Это мог быть порок сердца или ИБС. Но для точного диагноза мне требовался анализ крови и ЭхоКГ. А здесь у меня даже стетоскопа нет.

Я снова тяжело вздохнула и вспомнила слова адмирала про женское тепло.

Женское тепло ему, ага!

Все-таки Сигурд — классический мужчина, который несерьезно относится к своему здоровью. При сердечно-сосудистых заболеваниях пациенту, конечно, показана умеренная физическая нагрузка, но не по три часа на плацу и горячие упражнения в постели. Сильно сомневаюсь, что он будет использовать меня в качестве одеяла! Да и Ингрид ясно выразилась, что ярл ей не стихи на ночь читал.

Но я не могу лечить пациента таким способом! Тем более что он совершенно неэффективный и неэтичный. Я попала в тело супруги адмирала по ошибке.

Я не его жена.

Я его лечащий врач. Он сам меня им назначил.

Осталось только разобраться с симптомами и назначить ему лечение.

Без обычной диагностики, без разговора с предыдущем врачом (я так поняла, что его просто не было, Сигурд разбился с проклятием сам) путь к выздоровлению может оказаться сложным. Но раз я здесь, я должна сделать все, что от меня зависит.

Помимо лечения адмирала, мне было еще над чем подумать. Например, о моей жизни в крепости в качестве его супруги. И что-то сделать с всеобщей нелюбовью к великоруссам, иначе я буду сидеть в этой комнате, как принцесса в

башне. Княжна-принцесса.

Я провела в размышлениях несколько часов, пока Келда снова не принесла мне еду. На этот раз это было какое-то жирное мясо с кашей и что-то похожее на чай.

— Что это? — поинтересовалась я. Пах он очень интенсивно.

— Так это травы и ягоды для здоровья, — пожала плечами она.

— Какое у этого отвара действие?

— Пьете, и ни одна хворь вас не берет! Ни кашель, ни жар. Общеукрепляющее?

Я попробовала кислый напиток и подумала, что, возможно, в нем много витамина С.

— А кто его готовит?

— Так травница наша, в крепости и готовит.

Я сделала себе заметку, что нужно будет поговорить с Сигурдом по поводу этой травницы. Если мне понадобятся лекарства, то разбирающийся в этом человек мне поможет.

После ужина я спросила у Келды, как я могу помыться. Мне просто необходимо было принять душ или ванну. Или хотя бы обтереться влажным полотенцем! Несмотря на смену тела, мозг помнил привычки моего современного мира. А может, дело было в теле самой Анастасии, возможно, у великоруссов или у княжны с личной гигиеной дела обстояли лучше, поэтому сейчас моя кожа зудела от желания смыть с себя пот и усталость.

— Суббота через два дня, княжна, — ответила Келда так, словно это должно было быть для меня очевидным. — День бани. Но таз я вам принесу.

— С теплой водой, — уточнила я. — Не из проруби.

Я прекрасно помнила разговор со служанками, которые предлагали мне натаскать воды из ближайшей реки.

— С теплой, — кивнула рыжая и действительно не обманула, через некоторое время вернулась вместе с тазом и мальчиком лет двенадцати, который поставил возле меня металлическое ведро с водой, от которой медленно поднимался пар.

Вторым моим заданием для Келды было принести вещи Анастасии. Не могла же великорусская княжна приплыть в чужую страну хотя бы без сменной одежды. Она была аристократкой, к тому же, дочерью правителя. У нее должно было быть как минимум приданое.

— Вам все нести? — поинтересовалась прислужница.

— Все, — кивнула я. Пора было разобраться с наследством, доставшимся мне от моей предшественницы.

Анастасия была образованной, раз мне досталось знание языка северного народа, и я искренне надеялась отыскать в вещах ее дневники, и, возможно, какие-то книги. Что-то, что позволит мне лучше узнать и понять новый мир.

Меня настолько вдохновила эта мысль, что я даже на время забыла о времени и о том, что скоро должен был явиться адмирал. Лечиться.

В спальню ярла через некоторое время втащили пару больших увесистых сундуков, деревянных и окованных металлом, поставили у стены. А я стянула одежду и обтерлась влажным полотенцем. В идеале хотелось бы помыть голову, но я не представляла, как при помощи ведра воды можно промыть доставшуюся мне копну волос — кажется, Анастасия никогда в жизни не стригла волосы, они доставали мне до бедер. Но волосами можно было заняться в бане, о которой говорила Келда.

Закончив с умыванием и растиранием, я босиком добежала до первого сундука и открыла крышку, рассчитывая обнаружить там чистую и, желательно, менее претенциозную и более легкую одежду. На моем свадебном наряде было столько жемчуга и драгоценных камней, что ощущался он словно рыцарский доспех. Платье буквально давило на плечи.

В сундуке правда оказалась одежда княжны: роскошные платья, нижние сорочки из нежной ткани, даже отрезы шелка. Но все это выглядело так, словно все вещи сбросили в грязь, а затем сплошным комком вернули в сундук, еще и потоптались сверху.

Позабыв о холоде и скромности, я в чем мать родила метнулась ко второму сундуку, размером поменьше. И, естественно, обнаружила точно такой же приступ вандализма.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.